

Сюн Цзиньчжоу вышел с мотыгой и стал копать ямы там, где Нин Гуйчжу заранее наметил линии. Сам Нин Гуйчжу неподалёку разбирает бамбук, собирая каркас на пробу, чтобы проверить, все ли детали на месте и как они стыкуются. Изогнутые на огне бамбуковые жерди были пока лишь грубо сложены на земле. Нин Гуйчжу выпрямился и посмотрел в сторону Сюн Цзиньчжоу.

Ямы для опор уже были готовы. Сюн Цзиньчжоу отложил мотыгу, подошёл, оглядел каркас и уточнил:

— Сначала эти длинные перенести?

— Да.

Он закинул одну жердь на плечо, донёс до ямы, установил и передал Нин Гуйчжу, чтобы тот придержал, а сам пошёл за остальными.

Когда все основные стойки были на местах, Сюн Цзиньчжоу, закатав рукава, взял тесак и стал бить по бамбуку обухом, подгоняя соединения плотнее. С его силой это шло быстро - вскоре каркас уже стоял крепко. Они засыпали ямы обратно землёй, утрамбовали её, убедились, что конструкция не шатается, и перешли ко второму этапу.

Навес для Маньтоу получился примерно в пять квадратных метров. С одной стороны оставили проём, чтобы он мог высовывать голову, а сверху сделали отделение для сена и соломы. Оставалась крыша, и вот с ней возникла проблема.

Нин Гуйчжу поднял голову, посмотрел на пустой каркас и спросил:

— У нас есть сухой тростник или солома для крыши?

В его памяти из подходящих материалов всплывала только крытая соломой кровля.

— У родителей точно есть, — ответил Сюн Цзиньчжоу.

Они переглянулись и, не стесняясь, отправились «попросить помощи».

— Солома? — Лю Цюхун на мгновение задумалась, затем нашла в сарае аккуратно сложенные связки. — Сколько вам нужно?

С этим вопросом Нин Гуйчжу растерялся и посмотрел на Сюн Цзиньчжоу.

Тот прикинул:

— Семь связок?

Лю Цюхун: «...»

Всего в доме было четырнадцать связок, а он сразу половину утащить собрался.

Глядя на своего нерадивого сына, Лю Цюхун махнула рукой:

— Берите уже быстрее... глаза б мои не видели!

И вышла, чтобы не нервничать.

Нин Гуйчжу, подумав, что такую солому ведь надо ещё нарезать, высушить, подготовить, тихо спросил:

— Может, всё-таки дать им немного денег?

Сюн Цзиньчжоу, держа по связке в каждой руке, ответил:

— Не надо. Потом сами нарежем и вернём.

— А... хорошо, — кивнул Нин Гуйчжу и тоже взял солому.

Едва они вышли со двора, как наткнулись на Ван Чуньхуа, которая вернулась попить воды. Увидев у них в руках солому, она спросила:

— Это вам зачем?

Она не припоминала, чтобы у младшего брата мужа было где её использовать.

— Хотим сделать навес для мула, — ответил Сюн Цзиньчжоу. — Каркас уже сделали, а крыть нечем, вот и пришли взять.

— А, понятно. Но этого же мало? Давайте я помогу донести.

— Не нужно, невестка, занимайся своим делом. Мы ещё пару раз сходим.

Она не стала настаивать. Проводив их взглядом, вернулась на кухню, зачерпнула чашку воды, выпила залпом и снова поспешила по делам.

Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу несколько раз сходили туда-обратно, перетасили всю солому. Потом Сюн Цзиньчжоу ещё сбегал за лестницей, залез на крышу навеса и принялся за работу. Нин Гуйчжу стоял внизу, нервно следя за ним - всё боялся, что тот оступится и упадёт.

Однако это беспокойство оказалось совершенно лишним. Сюн Цзиньчжоу, при своей внушительной комплекции, двигался по крыше навеса легко и уверенно. Закрепив наверху несколько бамбуковых жердей, он протянул руку вниз:

— Чжу-гер, бамбуковые пластины.

Нин Гуйчжу тут же поспешил подать подготовленные пластины. В них заранее были проделаны отверстия, и такие же отверстия имелись в закреплённых сверху жердях.

Приняв пластины и мешочек, Сюн Цзиньчжоу небрежно положил мешочек на перекрестие жердей, достал оттуда бамбуковые гвозди и начал прикреплять пластины. Сначала он лишь прихватывал их, затем взял у Нин Гуйчжу тесак и, ударя обухом, вбивал гвозди глубже, чтобы пластины держались крепко и не выпадали. Убедившись, что всё зафиксировано, он перешёл к следующему этапу.

Когда крыша была полностью покрыта бамбуковыми пластинами, Сюн Цзиньчжоу спустился по лестнице, отложил тесак и сказал:

— Чжу-гер, ты тут продолжай, а я схожу за глиной.

Крыша из соломы не делается просто так - Нин Гуйчжу это понимал, потому кивнул и, засучив рукава, принялся за стены навеса.

Звук ударов и глухой стук по бамбуковым гвоздям разносился по двору. Нин Гуйчжу работал тщательно: закрепив очередную пластину, он обязательно тянул её руками, проверяя прочность, и только после этого переходил к следующей.

И среди этих ритмичных ударов терялись едва различимые, почти шёпотом произнесённые:

— Чжу-гер...

Снова раздался тот же зов.

Нин Гуйчжу с недоумением остановился, прислушался, но сначала ничего не услышал. Он уже собирался продолжить работу, как голос прозвучал громче. На этот раз он смог определить, откуда он доносится - со стороны переднего двора.

Нин Гуйчжу отложил инструменты и сделал несколько шагов вперёд. Навстречу ему уже бежала худенькая фигурка. Увидев его, девушка сразу просияла и, остановившись у низкого плетня, протянула:

— Чжу-гер, вот, это тебе!

— Что это... — он не успел договорить.

На развернутом платке лежало целых десять медных монет.

Нин Гуйчжу инстинктивно отступил назад и замахал руками:

— Нет-нет, не надо! Зачем ты мне это даёшь?

Девятая тетя заторопилась:

— Чжу-гер, пожалуйста, возьми... я... ты возьми. Если бы не ты, мы бы сейчас так не жили.

Она говорила сбивчиво, явно волнуясь, ещё и боялась, что вернётся Сюн Цзиньчжоу - глаза у неё уже наливались слезами.

— Не плачьте, — Нин Гуйчжу почувствовал, как у него немеет кожа на голове.

Видя её искреннюю благодарность и скрытую тревогу, он всё же шагнул вперёд, сжал её ладонь и попытался вложить деньги обратно:

— Заберите. Десять монет - это ведь можно купить немного зерна, пусть дома будет.

— Нет, так нельзя! — Девятая тетя, несмотря на страх, упрямо покачала головой. — Ты показал нам столько съедобной травы, благодаря тебе мы хоть перестали думать, как бы набить желудок. Я смогла поехать работать в уезд... Если бы не ты, мы бы не выдержали...

Она вдруг словно вспомнила что-то, резко опустилась на колени и через плетень стала кланяться:

— Чжу-гер, спасибо тебе... правда, спасибо. У меня ничего нет, только это... пожалуйста, прими.

Нин Гуйчжу испугался:

— Ладно-ладно, беру! Вставайте скорее, не надо так, ещё поранитесь.

Когда она поднялась, вытирая слёзы, а на лице у неё одновременно оставались и слёзы, и улыбка, в груди у него стало тяжело.

Всего лишь дикая зелень... не должно же быть до такой степени. У него защипало в носу. Но в итоге он всё же не отказался - аккуратно принял десять монет и вернул Девятой тетке платок.

Он хотел было пригласить её зайти, выпить воды, но Девятая тетьа поспешно отказалась и почти бегом ушла.

Нин Гуйчжу смотрел ей вслед, опустив взгляд. Он перебирал пальцами тонкие медные монеты, и глаза снова защипало. Чем больше он думал, тем тяжелее становилось на душе, и остановиться он не мог.

— Что случилось? Кто тебя обидел?

Сюн Цзиньчжоу, увидев его таким, будто вот-вот заплачет, сразу отпустил ведро и быстрым шагом подошёл. Уже протянул руку, но, заметив грязь на ладонях, на мгновение замешкался.

И этого мгновения хватило. Нин Гуйчжу сам шагнул вперёд, обнял его, уткнувшись лицом в грудь, и глухо проговорил:

— На душе тяжело.

Сюн Цзиньчжоу осторожно обнял его, стараясь не испачкать, поглаживая по спине. Взгляд его потемнел, но голос остался мягким:

— Что случилось? Кто-то приходил?

— Да... — Нин Гуйчжу сдерживал слёзы. — Я ведь учил Девятую тетю распознавать дикие травы... Она сейчас принесла мне десять монет в благодарность. И... встала на колени.

Человек, выросший уже в другом времени, пусть и знал о поклонах в древности, но когда это происходит на самом деле, да ещё и из-за такой мелочи, это невозможно просто принять.

Голос у него был тихий, почти шёпот, полный растерянности и боли:

— Это же всего лишь несколько видов трав...

Сюн Цзиньчжоу тихо вздохнул. Забыв уже о грязных руках, он просто крепче прижал к себе

супруга, успокаивая этого слишком мягкого, совсем не похожего на человека из богатого дома:

— Она просто очень тебе благодарна. Ты же знаешь, как бедно они живут. Эти травы дали им время выкарабкаться, благодаря тебе их жизнь хоть немного наладилась. Может, она не умеет иначе сказать «спасибо», вот и выражает так.

Нин Гуйчжу уткнулся лбом в плечо Сюн Цзиньчжоу:

— Но всё равно... не надо было ей становиться на колени.

Слёзы, которые он так долго сдерживал, всё-таки прорвались - одна за другой скатывались по бледной коже и падали на их одежду.

Это был первый раз, когда Нин Гуйчжу заплакал. Сюн Цзиньчжоу сжал его крепче, сердце болезненно сжалось. Хотел было отстраниться, хотя бы вытереть ему слёзы, но Нин Гуйчжу не отпускал, крепко обнимая его.

— Пусть немного... само пройдёт, — глухо сказал он.

Слёзы продолжали капать, быстро намочив грудь Сюн Цзиньчжоу. Они так стояли довольно долго, не двигаясь, что даже щенки заинтересовались - подбежали, начали крутиться у их ног, поскуливая.

Сюн Цзиньчжоу нарочно поддразнил:

— Смотри, Даван и Эрцай тоже пришли тебя утешать. Может, перестанешь плакать?

— ...

Нин Гуйчжу недовольно стукнул его:

— Они пришли не утешать, а посмотреть!

Сюн Цзиньчжоу только улыбнулся. Нин Гуйчжу смутился, отвёл взгляд, вытер слёзы и всё ещё слегка глухим голосом сказал:

— Навес ведь ещё не доделан. Давай быстрее, до обеда надо закончить для Маньтоу, а потом ещё курятник и будки для собак.

— Хорошо-хорошо, за работу. Может, воды попьёшь?

Он, не дожидаясь ответа, уже взял его за руку и повёл на кухню. Нин Гуйчжу сначала не хотел пить, но, сделав глоток, вдруг понял, что пересохло в горле - выпил целую чашку и налил ещё немного. После этого он привёл себя в порядок, собрался с духом и потянул Сюн Цзиньчжоу обратно во двор.

Сам он считал, что уже успокоился. А вот для Сюн Цзиньчжоу он всё ещё выглядел жалко и трогательно, будто вот-вот снова расплачется.

Ничего не поделаешь, после слёз у Нин Гуйчжу покраснели глаза и кончик носа, на ресницах ещё держались не высохшие капли, да и настроение заметно поникло. Если бы Сюн Цзиньчжоу не знал, что его не послушают, он бы настоял, чтобы тот сегодня отдохнул.

Оставшееся время они работали молча и сосредоточенно. Нин Гуйчжу прибавал бамбуковые пластины, делая стены, а Сюн Цзиньчжоу сверху укладывал слой глины, смешанной с соломой, и затем аккуратно покрывал её сухой травой. Всё делалось тщательно, без спешки.

Когда солнце поднялось в зенит, навес для Маньтоу был готов. Нин Гуйчжу, глядя на новое сооружение во дворе, с облегчением выдохнул. Затем они вместе с Сюн Цзиньчжоу начали укладывать сено и солому в верхний отсек навеса.

После этого занялись кормушкой. Бамбуковую трубу с сохранёнными перегородками закрепили примерно на высоте полуметра от земли, как раз удобно для Маньтоу, особенно чтобы класть туда его любимые паровые булочки из грубой муки.

Похоже, из-за того что его регулярно баловали этими булочками, мул вовсе не проявлял того дурного нрава, о котором говорил прежний хозяин. Напротив, вёл себя спокойно и послушно, даже сам опускался на колени, когда Нин Гуйчжу собирался сесть ему на спину. Из-за этого они стали заботиться о нём ещё больше.

Заметив, что Маньтоу перед едой всегда ищет место, куда положить булочку, сначала съедает солому, а уже потом возвращается к ней, они и решили сделать для него чистое, удобное место.

Полюбовавшись результатом, Нин Гуйчжу радостно пошёл за мулом:

— Маньтоу, иди сюда! Смотри, это теперь твой новый дом. Нравится?

Крепкий, красивый мул последовал за ним, вытянул шею, заглянул внутрь навеса, издал довольное фырканье и тут же начал бодаться и толкаться, явно выражая радость.

Сюн Цзиньчжоу легонько хлопнул его:

— Осторожнее, не порань кого-нибудь.

Маньтоу фыркнул в его сторону и больше не стал обращать внимания на людей, сам побежал в навес, обошёл его несколько раз и снова радостно заржал в их сторону. Даже со стороны было видно, как он доволен.

Нин Гуйчжу с улыбкой погладил его по шее:

— Привыкай к новому дому. Потом ещё насушим сена и устроим тебе в уголке лежанку.

Маньтоу мягко махнул хвостом и на этот раз уже осторожно ткнулся головой в Нин Гуйчжу.

Устроив его, Сюн Цзиньчжоу закрыл дверь навеса и, взяв Нин Гуйчжу за руку, повёл его во двор:

— Пойдём руки вымоем и приготовим поесть. В обед всё-таки немного отдохнём. После сделаем курятник, а если не успеем, будки для собак потом доделаем. Пока могут и с Маньтоу пожить.

— Раз уж начали, лучше всё закончить, — возразил Нин Гуйчжу, наблюдая, как он набирает воду. — Сделаем сегодня всё сразу, а завтра нормально отдохнём, ни о чём не думая.

Сюн Цзиньчжоу улыбнулся:

— Хорошо.

Он поставил полное ведро рядом, зачерпнул ковшом воды в деревянный таз и, взяв немного мыльных бобов, тщательно вымыл руки. Когда закончили, они сели под навесом, и только тогда заметили, что солнце уже вышло из-за облаков, прогревая всё вокруг и навевая ленивую усталость.

— Спать хочется...

Нин Гуйчжу привалился к нему, веки тяжело опускались. Он несколько раз попытался удержаться, а потом, собравшись с силами, резко встал. От резкого движения его качнуло, но он вовремя опёрся на руку Сюн Цзиньчжоу и устоял.

— Давай есть. Потом немного поспим.

— Хорошо, — Сюн Цзиньчжоу тоже поднялся. — Что готовим?

— Сделаем суп с кусочками теста. Ты замешивай тесто, а я остальное подготовлю.

Засучив рукава, Нин Гуйчжу направился в задний двор. А Сюн Цзиньчжоу, как он и сказал, отмерил муку, смешал её с мукой из злаков и принялся месить тесто.

Нарезанные зелёный лук, соломка из вяленого мяса и листовая зелень были сложены вместе. В печи разожгли сильный огонь, в котёл налили масло и сначала обжарили мясо до появления аромата, затем добавили соль и соевый соус, немного перемешали и влили нужное количество воды. Когда вода закипела, Нин Гуйчжу прикинул в руках тесто, выбрал удобное положение и начал срезать ножом кусочки прямо в кипящий бульон.

Лапша-стружка - блюдо, которое при шнорровке готовится очень быстро. Вскоре всё тесто было нарезано, он размешал кусочки в котле и добавил зелень, продолжая варить.

— И всё? — с любопытством спросил Сюн Цзиньчжоу, впервые видя такое блюдо.

— Почти. Перед тем как снять с огня, добавим зелёный лук.

По мере варки бульон становился всё гуще. Нин Гуйчжу попробовал, добавил ещё немного соевого соуса, размешал и всыпал зелёный лук, после чего разлил по чашкам.

— Можешь попробовать добавить немного уксуса, с кислинкой тоже вкусно, — подсказал он.

Сюн Цзиньчжоу отпил густого супа и осторожно сказал:

— Я сначала так поем, а когда останется немного, тогда добавлю уксус.

Нин Гуйчжу улыбнулся:

— Хорошо.

Свежесваренный суп был горячим. Нин Гуйчжу подхватил палочками кусочек теста, подул, остудил и только потом отправил в рот. Упругие кусочки теста были покрыты густым бульоном, пропитанным ароматом вяленого мяса, солоноватым соевым соусом и свежестью зелёного лука. Всё это идеально сочеталось, подчёркивая вкус простого, но удивительно насыщенного блюда.

Сюн Цзиньчжоу доел большую часть супа с кусочками теста и, вспомнив совет Нин Гуйчжу, плеснул в чашку немного чёрного уксуса. Перемешал и попробовал - вкус действительно стал особенным. Первая ложка показалась непривычной, но очень быстро стало только вкуснее. Когда он налил себе вторую чашку, то уже сразу добавил уксус.

Нин Гуйчжу невольно бросил на него взгляд. Глядя на его аппетит, он тоже добавил немного уксуса в свою миску. Раньше он не любил блюда с выраженной кислинкой, но, возможно, из-за

простой пищи в этом мире, теперь вкус уксуса раскрылся для него по-новому.

Очень вкусно!

Они доели весь суп, убрали на кухне и, довольные, вернулись в спальню. После утренней работы и сытного обеда их быстро сморила сонливость - они зевнули пару раз и почти сразу провалились в сон.

Когда Нин Гуйчжу проснулся, голова ещё была тяжёлой. Он потерся о Сюн Цзиньчжоу, зевая, бросил взгляд на окно - яркое солнце ударило в глаза, он поморщился и снова закрыл их.

Сюн Цзиньчжоу с усмешкой перебирал пальцами его волосы:

— Хорошо выспался?

— Угу... — лениво отозвался Нин Гуйчжу.

Полежав ещё немного, они встали и продолжили работу. Курятник и будки для собак были куда меньше навеса для мула, поэтому, приступив к делу, они даже почувствовали, что работа идёт легко.

Курятник устроили рядом с навесом для мула, отделив перегородкой, чтобы потом, когда птица подрастёт, можно было разделить кур и уток. Собачьи будки сделали под карнизом с этой стороны: так и крышу проще, и собаки смогут сторожить и мула, и птицу. Когда крышу над птичьими клетками доделали, Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу вернулись в передний двор.

Один взял миски для корма и сено, на котором собаки спали, другой начал переносить кур и уток к новому загону. За месяц цыплята и утята заметно подросли. Сюн Цзиньчжоу посмотрел, как они бегают внутри клетки, и спросил:

— Может, огородим им тут участок? Уже вроде можно выпускать, пусть двигаются.

— Пожалуй, можно, — Нин Гуйчжу огляделся. — Бамбука у нас ещё хватает. Сделаем сейчас?

— Я за ножом.

Сюн Цзиньчжоу ушёл в передний двор, а Нин Гуйчжу присел и ткнул пальцем в цыплёнка у клетки:

— Растите быстрее... хочется уже яиц.

Цыплёнок пискнул и поспешно убежал в сторону.

Загон сделали просторным: от птичьего навеса вдоль стены, дугой, почти до самого края двора, оставив около метра до уборной.

Когда всё закончили, день подошёл к концу. Под закатным светом они по очереди сходили помыться, а когда Сюн Цзиньчжоу вернулся, на столе уже стоял ужин: жареная с луком вяленая свинина, тушёные сушёные папоротники, пара печёных бататов и суп с кусочками теста - на этот раз без мяса, только с соевым соусом для вкуса и цвета.

Кусочек мяса, глоток супа, затем снова лапша... Вечерний ветерок проникал в кухню, принося прохладу, и время будто растягивалось, становясь тягучим и спокойным.

Нин Гуйчжу закончил есть, вытер губы от бульона и, словно решившись, сказал:

— Я хочу помочь людям.

— М? — Сюн Цзиньчжоу непонимающе обернулся.

Нин Гуйчжу сжал пальцы:

— Всё, что я умею, можно разделить на две части. Есть то, что, если вынести наружу, может разозлить богатых - это мы будем тайно передавать уездному судье Чэню. А остальному, вроде еды или повседневных вещей, можно научить делать деревенских. Пусть они и не разбогатеют, но хотя бы смогут сократить расходы. Как тебе такая мысль?

Сказав это, он поднял голову. Его глаза сияли так ярко, что невозможно было отвести взгляд, словно он, наконец, нашёл своё направление.

Сюн Цзиньчжоу протянул руку и крепко сжал его ладонь, лежавшую на столе:

— Если ты этого хочешь, давай попробуем.

Нин Гуйчжу думал об этом весь день, ещё во время работы. Он не раз представлял, как Сюн Цзиньчжоу отреагирует, но, услышав согласие, всё равно ощутил, как внутри вспыхнула радость.

— Тогда решено. Я подумаю, чему можно научить людей, — серьёзно сказал он. — Но не всё сразу. Нужно постепенно, шаг за шагом. И прежде всего - обеспечить безопасность и выгоду нашей семьи.

Он говорил и одновременно что-то чертил пальцем на столе.

Сюн Цзиньчжоу пересел ближе, взял его за руку и молча смотрел, как тот увлечённо строит планы. Голос Нин Гуйчжу постепенно стал отдаляться, а вот ровный, спокойный стук сердца рядом, наоборот, звучал всё отчётливее.

<http://bllate.org/book/14958/1609627>